

КОГНИТАРИАТ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС

Предпринята попытка дать определение когнитариата: социальные классы существуют, пока могут использовать «поле возможностей», которое начинается от уровня техники, позволяющего окупить существование класса, и заканчивается автоматизацией его функций.

Ключевые слова: когнитариат, социум, постиндустриальное общество, целостность, технократическая иллюзия.

Зроблено спробу дати визначення когнітаріату: соціальні класи існують, доки можуть використовувати «поле можливостей», яке починається від рівня техніки, що дозволяє окупити існування класу, і закінчується автоматизацією його функцій.

Ключові слова: когнітаріат, соціум, постіндустріальне суспільство, цілісність, технократична ілюзія.

An attempt has been made to give the definition of «cognitariat»: social classes exist, while they can use the «field of possibilities», which begins from the level of technology that allows you to pay for the existence of a class, and ends with the automation of its functions.

Key words: cognitariat, society, post-industrial society, integrity, technocratic illusion.

Постановка проблемы. Проблема воздействия техники на общество – неизменно *актуальна*.

Одна из сложностей осмысления и, соответственно, прогнозирования этого процесса – чрезвычайно большое разнообразие форм воздействия. Техника может изменить способы коммуникации людей, среднюю продолжительность жизни, типичные заболевания, способы ведения войны. Начиная с ограниченной трансформации домашних животных и завершая принципиально иной формой организации общества.

Первой задачей любого футуролога становится выбор структурного элемента, который станет объектом исследования. Традиционно при анализе воздействия техники на общество используют понятие социального класса. Однако оно имеет собственную традицию определения.

Анализ исследований и публикаций. В марксистской традиции социальный класс считается основной социальной общностью – становление каждого отдельного класса и взаимодействие между ними определяет характер общества. Как в рамках специфической борьбы с марксизмом, так и в рамках оригинальных исследований создавались и создаются альтернативные

представления о структуре общества. Начиная от М. Вебера, от П. Сорокина и завершая современными представителями, исследованы многочисленные малые социальные группы, влияние религиозных факторов и т.п.

Но при всей критике марксизма (порой вполне обоснованной) у класса как структурного элемента анализа остается важнейшее свойство – он отражает взаимодействие широкого круга людей именно с технологическим процессом. Класс как социальная общность в наибольшей степени обусловлен технологически. Поэтому особый интерес представляют работы, учитывающие воздействие на общество современных технологий – компьютерной революции.

Дискуссии о снижении роли «традиционных» классов (главным образом, пролетариата) и появлении новых продолжаются не одно десятилетие. Наиболее известны теории Д. Белла [1] и Д. Тоффлера [5] о постиндустриальном обществе, о идущем процессе становления класса «работников умственного труда», или же «когнитариив». Возникновение этого класса в наибольшей степени аргументировано воздействием техники на общество, изменением форм и методов труда. Механизация труда сменяется автоматизацией, что должно повлиять на структуру социальных общностей.

В отечественной науке даже задача определения понятия «когнитариат» решалась крайне поверхностно либо вовсе не решалась.

Например, Н.А. Маслов критикует концепцию постиндустриального общества в целом: «Поэтому объективные тенденции всемирно-исторического процесса опосредствовались в теории постиндустриального общества Д. Белла устаревшими позитивистскими инструментами отражения. Провозглашая когнитариат «первичным классом» постиндустриального общества, Д. Белл оставил без внимания проблемы распределения национального дохода между трудящимся и привилегированными классами, взаимосвязь капитала и власти... Сведение социальных функций фундаментального научного знания к их опредмечиванию и распредмечиванию в технологии также было несомненным рудиментом позитивистского мифотворчества» [6, с. 318-319].

Чаще можно встретить лишь упоминания о когнитариате, например: «...постиндустриальный субъект есть качественно новый социальный субъект, имеющий иное содержание; характерной чертой для субъекта деятельности информационного общества является интернационализация знаний, на основании которой формируется когнитариат и проявляются особые тенденции в интеллектуализации социального производства» [2, с. 135] – строго определения будущей социальной группе не дается.

Или же: «Парадигма информационной эпохи состоит в том, что для управления процессами развития общества посредством коммуникационных систем формируется эдхократическая социальная группа - когнитариат, мощь которой основывается на знании, на использовании интеллекта. Являясь механизмом, регулирующим устойчивое развитие общества, когнитариат, имея доступ к

информации и к средствам управления ею, должен быть носителем высокой культуры, общечеловеческих ценностей и идеалов (в политике, экономике и социальной жизни)» [4, с. 132]. Сразу возникает вопрос: а нельзя ли древнеегипетское жречество тоже считать когнитариатом? Ведь оно регулировало устойчивое развитие общества, и власть его основывалась на знании.

Термин «когнитариат» сравнительно широко используется в научных работах экономического профиля, еще шире его используют в публицистике, особенно политической. Например, отождествляя с «технической интеллигенцией» [10], иногда с «креативным классом», иногда, как А. Тойнби с «творческим меньшинством». Но в рамках философского знания ситуация напоминает описанное Б. Паскалем в «Провинциалиях» отношение к спорным религиозным терминам – их все используют в своих аргументах, но заранее уговариваются не определять точного их значения. Потому что это приведет к острой и непродуктивной дискуссии.

Объект статьи: когнитариат как социальный класс.

Цель статьи - определение понятия «когнитариат», предпосылки возникновения и существования данного класса.

Изложение основного материала. Если использовать дедукцию, продвигаясь в анализе от наиболее общих категорий к частным, то вначале нужно дать определение понятию «класс».

Классы - «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы - это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определённом укладе общественного хозяйства» [3, с. 15].

В этом идеологизированном, но развернутом определении задано как минимум два критерия класса: отношение к средствам производства (то есть в технологическом процессе) и место в укладе общественного хозяйства (если рассматривать общество и государство как машину, то положение целостной детали в общественном механизме). Критерии взаимосвязаны, что проявляется в процессе становления класса: чтобы занять соответствующее место в укладе общественного хозяйства, требуется располагать (или не располагать) ресурсами, которые в долговременной перспективе дает лишь связь с процессом производства.

В книге «Метаморфозы власти» Э. Тоффлер дает определение когнитариата: «...Чисто физический труд находится в нижней части спектра и постепенно исчезает. С малым количеством занятых физическим трудом в экономике «пролетариат» сейчас находится в меньшинстве и больше заменяется «когнитариатом». По мере становления суперсимволической экономики пролетарий становится когнитаристом. Ключевым вопросом о работе человека сейчас

становится вопрос о том, какую долю занимает в этой работе обработка информации, насколько стандартна и программируема его работа, какой уровень абстракции требуется для его труда, какой доступ имеет работник к центральному банку данных и информационной системе менеджмента и насколько автономна и ответственна его работа...» [8, с. 103].

Принцип получения нового понятия Э. Тоффлером достаточно ясен: новое место в разделении труда обеспечивает качественно отличный набор умений и навыков. Но практически сразу в подобной трактовке возникает противоречие, связанное с расширительным толкованием понятия «обработка информации».

Человек от рождения до смерти не перестает обрабатывать и накапливать информацию. Любой разговор – уже работа с информацией. «Стандартная и программируемая работа» с информацией – это любой религиозный обряд или, шире, любой ритуал.

Разумеется, Э. Тоффлер имел в виду технологический, управленческий процесс. Но и здесь возникает противоречие. Тот же К. Маркс определял труд как «целесообразную деятельность»: «Процесс труда... .. есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей» [5, с. 195].

Легко увидеть, что громадное количество людей, номинально участвующих в процессе производства, ничего целесообразного для создания «потребительских стоимостей» не делают, хотя чрезвычайно интенсивно обрабатывают информацию. Любой чиновник, деятельность которого очищена от «кожуры» предыдущих рациональных решений (благодаря которым и была организована его должность, какое-то время назад бывшая действительно необходимой), рискует вдруг выявить собственную бесполезность. Или даже вредность – когда оказывается, что его добавочные проверки не обеспечивают повышения надежности, а лишь тормозят технологический процесс.

Как и с другими формами труда – одни и те же операции, которые какое-то время назад были целесообразными, технически рациональными, теперь становятся лишь напрасной тратой ресурсов. А те задачи, которые раньше считались невыполнимыми и любые затраты на них напрасными, теперь вполне рядовые, рутинные технические задачи (например, перелет через океан, полет в космос и т.д.).

Подобное изменение целесообразности технологий приводит к двойственной трансформации общества, которая напоминает рост дерева: какие-то области деятельности, решение узкоспециализированных задач, бывшие до того недостижимыми, могут обеспечить целые социальные структуры («листья» общества), а другие прослойки, страты (начиная от профессий и заканчивая классами), больше не нужны, и они отмирают, как листья на одревеневшей, покрытой толстой корой ветви. Деятельность уходящих классов одновременно и «расташена», «разобрана» на множество отдельных функций, каждую из которых осуществляет теперь особая социальная группа, и одновременно «автоматизирована» в рамках общественных механизмов.

Типичный феодал одновременно был управленцем, военачальником и немного рыцарем (все это приходилось делать в рамках его места в системе общественного производства). Теперь он представлен как бы дюжиной профессий и, в то же время, качественно лучше работающими механизмами государства и общества – сегодня один человек, сосредоточивший в своих руках такой объем власти, был бы просто не в состоянии обрабатывать поступающие документы.

Невозможно свести весь процесс прогресса лишь к *облегчению* труда или его разделению. Технология производства (как некая предельно дегуманизованная, нечеловеческая система) и общество (как структура, принципиально основанная на качествах людей, антропологически обусловленная) находятся в обратной связи – потому периодически возникают новые уровни разделения труда, новые пласты, «равновесные зоны», в которых возможно создание десятков и сотен профессий. Эти «равновесные зоны», обеспеченные нормами производственных отношений, и становятся технологической основой для появления классов.

Для каждого класса есть технологические «граничные условия», вне которых он просто не может существовать.

То же крестьянство – либо как прослойка мелких собственников, связанных с обработкой земли, либо как рабы на латифундиях, либо как вилланы в баронских поместьях – принципиально не может возникнуть до того, как появляется возможность вести оседлый образ жизни благодаря возделыванию сельхозкультур. И крестьяне окажутся невостребованными, когда автоматизированные комплексы, гидропоника и прочие технологии окончательно «убьют» ручной труд в сельском хозяйстве. Уже сейчас развитое государство может обеспечить себя продовольствием благодаря труду ничтожного меньшинства своих жителей. «Сельскохозяйственный пролетариат» - тяжеловесное, но внутренне логичное понятие, описывающее сегодняшнее крестьянство в развитых странах.

Пролетариат возникает, когда у работника появляется возможность в «симбиозе» с машиной, управляя её действиями, создать достаточное количество потребительской стоимости – пролетариат неотделим от механизации производства. Есть сотни и тысячи вариантов машин, непосредственное управление которыми может осуществлять человек. Антропологически от пролетария требуется специфическая моторика рук и минимальный уровень осознания производственного процесса, который порой не выходит за понимание дюжины технологических операций. Первые станки (начиная от «Дженни») воспроизводили часть действий ремесленника, пролетарий дополнял их своими операциями, превращая действие машины в целостный технологический процесс. Чем дальше, тем полнее инженеры обеспечивали целостность набора технологических операций, трансформируя отдельный станок в автоматизированный конвейер. Автоматизация вытесняет лишних людей с заводов и, потенциально, это *все* работники. Пока еще человек учится быстрее и работает универсальнее – для производства изделий ограниченной

партии проще нанять и обучить людей, чем разрабатывать конвейерную линию полного цикла. Но и здесь люди проигрывают: роботов все лучше учат копировать действия людей – «Бакстер», антропоморфный робот, фактически учится через подражание [12]. Если же брать не качественно новое обучение, а исключительно количественное (то есть получение однотипным устройством стандартной информации), то скорость загрузки программного обеспечения заведомо превосходит скорость обучения человека.

Буржуазия возникла как класс, когда *управление* мануфактурным производством смогло прокормить её и обеспечить доходами, достаточными для поддержания сначала господствующего положения над рабочими, а потом и над остальным обществом. Но автоматизация управления, как бы странно не показалось это на первый взгляд, тоже идет достаточно быстрыми темпами – в «Новом технологическом обществе» описывается перманентный переход от создания корпорации (с захватами рынков и т.п.) к её самосохранению, когда следование сложившемуся порядку, однажды написанным инструкциям – позволяет снизить риски. И только качественный рост промышленности, непрерывные кризисы, которые требуют порой страшного напряжения сил и творческого подхода – спасают буржуа от превращения во *всего лишь* собственника, которого принципиально можно заменить что чиновником, что «трудовым коллективом».

Возникает вопрос – каковы переделы роста у «дерева» человеческих возможностей/профессий, и какие еще есть «равновесные зоны» в которых структура общественных отношений позволит появиться десяткам и сотням профессий?

Пределы роста достаточно понятны: когда машина заменяет человека во всех аспектах деятельности – то человек не может быть средством (и, очень вероятно, во многом перестает быть целью). Но парадокс в том, что это должно быть замещение именно *всех* качеств, а не технически наиболее значимых на сегодняшний момент. Сейчас ружье и капкан помогают охотиться лучше любого охотника-собирателя в древности, магнитофон позволит воспроизвести песню любого шамана, дисплей – показать его пляску, вообще, уже сейчас реален набор машин и механизмов, которые лучше дикарей выполняют основные производственные функции *по отдельности и не в полном объеме*. Проблема такой «замены» в том, что у первобытных племен не может быть такой техники, а цивилизованным людям «эрзац-шаманы» и «эрзац-охотники» нужны лишь в качестве развлечения (охота стала именно развлечением). Для работника значимы в социальном отношении либо функции целостного управления технологическими процессами, либо те узкоспецифические умения, которые ни шаман, ни охотник не могли развить из-за недостатка времени и ресурсов.

Первобытный человек в дилемме «органическое-техническое» куда ближе к органическому, чем представитель современного общества, причем ближе как любая отдельная его функция, так и он в целом. В процессе вытеснения чисто природных, органических

качеств – человек все больше становится «техническим», его деятельность описывается алгоритмически, а потом и строго математически, его становление охватывается воспитанием, образованием. Жизнь обывателя уже сейчас учитывается и рассматривается в мельчайших деталях даже не государственным аппаратом, а работниками банков, анализирующими его кредитоспособность. Физиологическая ценность человека как уникала снижается на фоне создания технологий клонирования, выращивания отдельных тканей, трансформаций генокода. Создание искусственной плаценты будет означать, что даже материнство перестанет требовать участия женщины. Показательно: «суррогат материнства», с точки зрения рода и семьи, как машины по накоплению богатства был описан еще в Библии (приемные дети от других женщин, воспитываемые в семье отца как наследники), но сейчас во многом ситуация перевернута – «суррогатное материнство» стало услугой, которой многие биологические матери пользуются даже не по медицинским, а по карьерным соображениям.

Что же человеческое еще не доступно машине? Какие качества (или комплекс таких качеств) могут стать основой для «пространства равновесия», где возникнут десятки и сотни новых профессий?

Любые *количественные* действия человека априорно становятся менее целесообразными, чем аналогичные действия машины. Механизация обеспечила исключительно количественный характер ряда технологических операций. Качественный рост возможностей человека стал вторичен по сравнению с действиями станка. Развитие компьютеров автоматизировало умозаключение (операции над уже сформулированными понятиями по заданным алгоритмам). Большая часть обработки информации стала именно количественным действием, навсегда отданным машине – например, калькулятору.

Что можно считать *качественно новым* действием по обработке информации?

Это, прежде всего, создание информации, как таковой: переход от простого отображения через операцию абстрагирования – к понятию. Но уже сейчас компьютеры претендуют на один из этапов такого действия. Типичные примеры – опознание лица человека в видеопотоке, чтение части текстов и т.п. То есть осуществляется подобие «восприятия» и «представления». Компьютеры пока не могут производить информацию о произвольных состояниях окружающей действительности, не описанных заранее в программах. Формулировка понятий как таковых также еще невозможна. Но операции с подмножествами – все совершеннее.

Формирование целостной картины мира – пока остается за человеком. Но уже «низовые» уровни обработки информации для такого формирования передаются машинам: работа с большими массивами данных, со статистикой, максимально подробное получение информации (с помощью большого числа датчиков) и т.п. Заинтересованность исследователей в автоматизации собственного

труда обеспечивает повышение уровня гносеологических возможностей компьютерных программ.

Можно рассматривать еще многие области умственной деятельности – особенно в гуманитарной сфере – где компьютеры пока принципиально не способны заменить человека. Но что объединяет возможности людей, дающие преимущество над машинами?

Это выход за пределы установленных алгоритмов обработки информации, то есть – трансцендентность. Есть разнообразные определения понятия «трансцендентное».

В рамках немецкой классической философии: «И. Кант определяет трансцендентное как то, что выходит за пределы возможного опыта, устраняет границы возможного опыта и повелевает их переступить, как то, что выходит за пределы области, в которой допустима деятельность чистого рассудка... Ф. Шлейермахер трансцендентным называет нечто, что выдается за рамки обычного мышления» [7, с. 103].

М. Хайдеггер рассматривает трансценденцию как шаг чистого разума к сущему [9, с. 9]. У К. Ясперса трансцендирование является связью способов бытия и разных его уровней; в трансцендировании происходит возрождение человеческой сущности [11, с. 425].

Из приведенных определений видно, что выход за пределы стандартных алгоритмов обработки информации не может быть случайным, стохастическим действием. Иначе бы любой генератор случайных чисел обеспечил машине преимущество перед человеком. Суть – в преодолении ограничений через познание закономерностей какого-то высшего порядка. Но в реальной истории науки нет практически ни одного случая, когда бы новые гипотезы были свободны от случайных и ошибочных элементов – относительная истина составляет громадную часть научных знаний. Абсолютно стохастическая теория или образ мыслей – приводят лишь к увеличению энтропии. Абсолютно истинные гипотезы, чистая трансценденция на пути к сущему – невозможны.

Эти ограничения задают то «равновесное поле», на котором может существовать когнитариат. При автоматизации подавляющего большинства трудовых операций, при автоматизации умозаключений ценность приобретают рациональные отступления от стандартов, норм, алгоритмов и методов.

Но граничные условия деятельности когнитария еще не указывают на цели, которые он будет перед собой ставить. Можно создать бесконечное число непротиворечивых теорий с фантастическими допущениями (скажем, метафизика принципиально новой, только что учрежденной религии) – но чем тогда когнитарий будет отличаться от упоминавшегося египетского жречества?

Критерием истинности новых понятий, гипотез, теорий – в итоге может быть только практика. То есть выход за грань известных методов и систем должен находить подтверждение в новых методах и системах, воплощенных в реальности.

Сейчас наука в связке с производством представляет собой именно такую систему – принципиально новые гипотезы, пройдя через цепь последовательных звеньев (разработка теории, технически рациональные проекты) воплощаются в новых технических возможностях.

Трансценденция как таковая не привязана исключительно к научному знанию (тем более, к фундаментальной науке) – техническое знание требует не менее смелого полета фантазии для воплощения гипотез в проектах. Поэтому цепочку от становления новых понятий до появления новых машин необходимо рассматривать как единое целое, с которым неразрывно связан когнитарий. Кроме технической сферы, разумеется, существует гуманитарная, которую невозможно освоить, располагая лишь собственной интуицией и пренебрегая научной методологией, системой знаний и т.п.

Получаем следующее определение: *когнитариат* – класс производителей материальных и духовных благ, которые, трансцендируя имеющиеся методы и системы знаний, могут использовать науку как производящую силу.

Принадлежность к процессу внедрения новых идей в практику – обязательное условие. Если человек лишь выдумывает новые образы, которые принципиально не используются в практике – он не когнитарий. Как пролетарий относится к заводу через включение в технологическую структуру (коллектив, оснащенный средствами производства и работающий в рамках единой технологии), так и когнитарий включен в цепочку от фундаментального открытия до пуско-наладочных работ. Единичный пролетарий, который делает лишь одну технологическую операцию вне производственного цикла – невозможен. Он не получит заготовок, не получит инструмента, зарплаты и т.п. Когнитарии, благодаря интернету, казалось бы, находятся в лучшем положении – практически любой продукт, соответствующий минимальным требованиям, рано или поздно должен найти своего покупателя – рынок почти безграничен (вся планета). Но высокая скорость обмена информацией приводит к высокой конкуренции и непрерывному повышению стандартов. Любой провинциальный балет, который пожелает продавать записи своих выступлений, вынужден соревноваться с лучшими труппами мира. Соответственно, любой изобретатель-одиночка вынужден конкурировать не только с крупными коллективами, но и с десятками изобретателей-одиночек по всему миру, которые занимаются той же проблемой. В таких условиях преимущество получают коллективы исследователей – но лишь до того степени, пока сами могут трансцендентировать от стандартных алгоритмов решения задач и систем знаний.

Стоимость громадных рисков, связанных с разработкой и внедрением качественно новых идей, говорит о возможном становлении класса-антагониста, который будет использовать когнитариат. Модели такого использования уже можно наблюдать в областях деятельности, где качественная новизна, с одной стороны,

может дать решающее преимущество над конкурентом или противником, а с другой стороны – инфраструктура внедрения этой новизны заведомо дорога.

Военное дело и кинематограф – самые яркие примеры. Есть отдельные таланты, которые сочетают административные и творческие дарования – будь то Ч. Чаплин, С.П. Королев, А.Н. Туполев или С. Спилберг, но *типична* картина взаимодействия и перманентной борьбы изобретателя (наемного или нет) с менеджером. В книге «Революция менеджеров» Дж. Бернем [13] еще в 1940-х дал блестящее описание того, как управленец – не владелец компании, не трибун, не лидер нации, а бесцветный менеджер, который просто знает, какие документы надо подписывать – спокойно и деловито оказывается у власти (причем этот процесс характерен для социалистических, капиталистических и фашистских режимов). Менеджера не следует демонизировать: в паре с когнитарием он выступает консервативным, системообразующим началом, потому что отражает инерционность и целостность хозяйственных структур. Менеджер неизбежно получает колоссальное преимущество во взаимодействии с когнитарием – ведь управленец обязан контролировать все уже созданные системы и накопленные ценности. Исследование само по себе чрезвычайно дорого: трансцендентировать можно и в лабораториях университетов, и у конструкторских бюро фирм, и в аппаратных киностудий – то есть, используя чужие средства производства.

Создание качественно новых управленческих структур – также будет признаком трансцендентирования. В этом смысле и Петр I, и отцы-основатели США, и многие другие администраторы – проявляли качества когнитариев, но лишь в виде дополнительных, частных составляющих своих административных талантов.

Сочетание задач когнитария, который заведомо должен оценивать качества потенциальных прорывов, и задач управленца, который обязан постоянно внедрять качественно новые решения – дает приблизительную модель инновации как *основного отчуждаемого продукта труда*. Как пролетарий не имеет средств для закупки сырья, станков, налаживания сбытовой сети, так и когнитарий заведомо не сможет страховать риски от собственных предложений. Но если пролетарий имеет дело со стандартной трудовой операцией, которая обеспечивает стандартные качества создаваемого продукта, то когнитарий должен создавать качественно новый, принципиально ранее не описанный продукт со стандартными последствиями его внедрения.

Наконец, можно предположить постоянное возникновение *технократических иллюзий* в среде развивающегося когнитариата. Идея технократов XX века, что инженеры и ученые должны непосредственно управлять обществом – неоднократно воплощалась в жизнь и приводила к быстрому разложению/трансформации той группы специалистов, которая получала власть. Для когнитария, куда лучше оснащенного технически, чем самый квалифицированный инженер, казалось бы, открывается возможность совмещать управленческую и креативную деятельность. Но как множество

ремесленников, сколотивших капитал, под старость нещадно эксплуатировали рабочих, так и переход от когнитария к управленцу задается не столько качествами характера, сколько отношением к средствам производства – местом в хозяйственном укладе.

Вывод. Становление когнитариата как социального класса возможно при условии настолько высокой автоматизации труда, что трансцендентирование методов и систем знаний станет основой для возникновения большого количества смежных профессий и будет при этом экономически оправдано.

Использованная литература

1. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. - М. : Академия, 1999. – 583 с.

2. *Бутаев, В.Б.* Субъект деятельности в информационном обществе: автореф. дисс. на получение научн. степ. канд. фил. наук : спец. 09.00.11 / В.Б. Бутаев. – М., 2003. – 169 с.

3. *Ленин, В.И.* Великий почин / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений в 48 т. - Т. 39. - С. 15.

4. *Маклецов, А.Ю.* Информационные парадигмы современного российского общества: автореф. дисс. на получение научн. степени канд. филос. наук 09.00.11 / А.Ю. Маклецов. – М., 2006. - 161с.

5. *Маркс, К.* Капитал / К. Маркс. - В 4 томах. - Т. 1. - М. : Издательство политической литературы, 1978. – 907 с.

6. *Маслов, А.Н.* Техногенная цивилизация в системе преемственных форм философской рефлексии: автореф. дисс. на получение научн. степ. доктора фил. наук: спец 08.00.11 / А.Н. Маслов. - Саранск, 1999.

7. Новая философская энциклопедия / Под ред. В.С. Степина - В 44 т. - М. : Мысль, 2001. – 657 с.

8. *Тоффле, Э.* Метаморфозы власти: / Э. Тоффлер. - М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. - 669 с.

9. *Хайдеггер, М.* Кант и проблема метафизики / М. Хайдеггер. М. : Русское феноменологическое общество, 1997. – 423 с.

10. *Хомик, С.Б.* Когнитариат как класс нового бесклассового общества / С.Б. Хомик. [Электронный ресурс]. - Режим доступа : [\[https://eot.su/almanac/pilotnyi-nomer/dvizhushchie-sily-razvitiya/kognitariat-kak-klass\]](https://eot.su/almanac/pilotnyi-nomer/dvizhushchie-sily-razvitiya/kognitariat-kak-klass)

11. *Ясперс, К.* Философская вера / К. Ясперс // Смысл и назначение истории : [пер. с нем.] – М. : Политиздат, 1991. – 460 с.

12. A unique robot with unique features [Электронный ресурс]. - Режим доступа : [\[http://www.rethinkrobotics.com/products/baxter/\]](http://www.rethinkrobotics.com/products/baxter/)

13. *Burnham, J.* The Managerial Revolution: What is Happening in the World. New York: John Day Co., 1941.

Статья поступила в редакцию 07.10.2014 г.